

**Российская психология
в условиях
деидеологизации науки**

Развитие науки в России в советский период находилось в жесткой зависимости от изменений в политической жизни общества. Это обстоятельство в полной мере касается психологии. Тоталитарное государство было заинтересовано в отказе от анализа психологии человека, чтобы избежать внимания к реальному состоянию дел в обществе.

Официальной идеологической базой психологии советской психологии советского периода был марксизм-ленинизм. Такой подход предельно сужал философские основы психологии, вынуждал игнорировать другие философские учения, которые могли способствовать развитию психологической мысли.

Во второй половине 1980-х годов в российской психологии появляются новые подходы и тенденции, свидетельствующие о начале ломки привычных стереотипов и отходе от прежних позиций. Этот процесс стал, скорее, эволюционным движением и привел к изменению в содержании и структуре научного знания. Произошло освобождение от марксистской атрибутики, которая пронизывала все выходявшие из печати психологические книги и статьи на протяжении 5-6 десятков лет. Все эти дежурные клише имели значение ритуальной защиты от цензуры.

В настоящее время деидеологизация науки сняла ограничение с творческой мысли психологов. Как следствие отхода от прежних идеологических оков произошла переоценка характеристик психологических теорий и взглядов ученых, таких как С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, Г.Г. Шпет и др., заклеянных в прошлом печатью идеализма, к трудам которых не было возможности обратиться раньше. Реконструкция историографии российской психологии предполагает включение в сферу исследований углубленное рассмотрение и трудов Н.А. Бернштейна, П.П. Блонского, Л.С. Выготского, В.А. Вагнера, В.В. Зеньковского, Н.Н. Ланге, А.Ф. Лазурского, В.С. Соловьева, Г.И. Челпанова и др.. Встает задача возвращения в историю психологии многих несправедливо забытых имен.

Деидеологизация науки сказалась и на интеграции российской психологии в мировое сообщество психологов. После объявления российской психологии в 1923 году на первом Всероссийском съезде по психоневрологии марксистской и перечисления ряда отраслей психологии к «лженаукам» постепенно стал опускаться «железный занавес», закрывший возможности контактов российских психологов с их зарубежными коллегами и включения трудов психологов, физиологов, социологов в контекст развития мировой науки.

В 1929 г. в работе Международного психологического конгресса в Нью-Хэйвене еще принимала участие немногочисленная, но представительная делегация из СССР (И.П. Павлов, А.Р. Лурия, И.Н. Шпильрейн и др.).

Это был последний «массовый» выезд советских психологов на международный психологический форум.

Гонениям подвергались даже попытки обратиться к иностранным источникам. Изоляционизм приобрел особо жесткие черты на рубеже 1940—1950-х гг. Только в 1954 г. появились признаки первых сдвигов, когда в Монреаль на Психологический конгресс приехала делегация из СССР. После 1966 г., когда в Москве был проведен XVIII Международный психологический конгресс, международные контакты советской психологической науки приобрели систематический характер, хотя в количественном отношении они были не велики. Кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, касавшееся и включения отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки, оказался возможным лишь со второй половины 1980-х гг.

Изменения, произошедшие в психологии на рубеже 1980— 1990-х гг., в качестве своего прямого последствия имели обращение к социальной практике. Психология обрела социальную и педагогическую востребованность и способность предложить ориентиры для практики. За последние десятилетия резко увеличилось число учреждений, в которых представлена прикладная психологическая проблематика. Стали издаваться новые психологические журналы, в которых освещаются результаты практико-ориентированных исследований.